

КНЯЗЬ С. Н. ТРУБЕЦКОЙ (1862-1905)

Въ исторію русской мысли кн. С. Н. Трубецкой вошелъ прежде всего, какъ вдохновенный историкъ философіи. Въ особенности его первая книга: *Метафизика въ древней Греціи*, навсегда останется примѣромъ истинно философскаго изслѣдованія по исторіи философіи. Трубецкой сталъ историкомъ потому, что былъ философомъ. Философія для него раскрывалась, какъ исторія. Онъ остро чувствовалъ вселенскій и соборный характеръ философской мысли; и вѣровалъ, что только въ совокупномъ опытѣ и подвигѣ всѣхъ временъ и поколѣній человѣческая мысль входитъ, и только такъ и можетъ войти, въ разумъ истины. Прежде всего онъ отвергалъ индивидуализмъ въ познаніи. Величайшимъ грѣхомъ новой европейской философіи онъ считалъ ея протестантскій принципъ», абсолютизмъ личнаго начала, принципъ уединеннаго познанія. Отсюда неизбѣжны либо скептическіе, либо пессимистическіе выводы... Трубецкой призывалъ философствовать въ элементъ исторіи. И показывалъ, что именно такъ всегда и философствуетъ человѣкъ. Это не означаетъ, что онъ связанъ традиціей. Это есть чувство вселенской солидарности или круговой поруки въ философскихъ стремленіяхъ и задачахъ; и опредѣляется оно сознаниемъ ответственности, сознаниемъ святости и величія философскаго дѣланія. Философствуетъ каждый за всѣхъ и для всѣхъ, отыскивая и постигая единую для всѣхъ истину... Къ философскому прошлому Трубецкой относился критически и свободно, но всегда съ сочувственнымъ вниманіемъ, стараясь каждое ученіе и даже заблужденіе понять изъ его проблематики, изъ дѣйствительныхъ, хотя бы и не рѣшенныхъ, вопросовъ духа. Онъ не могъ жить въ мірѣ заблужденій; не могъ бы жить, если бы оказалось, что все прошлое было въ безнадежной тьмѣ. Онъ не считалъ бы себя вправѣ философствовать, если бы исторія философіи была лишена смысла. Такъ выдвигалась предъ нимъ задача оправданія философской исторіи. Онъ сумѣлъ показать, что во всякой

философіи есть своя правда, часто неузнанная ея носителемъ, часто имъ изуродованная, часто обезображенный обломокъ правды, — но всегда или почти всегда есть правда исканія... Трубецкой вѣрилъ въ благородство человѣческаго ума, божественнаго образа въ человѣкѣ; и потому никогда не могъ допустить, что мысль человѣческая сознательно или намѣренно ищетъ и желаетъ лжи, самообмана... Въ этомъ отношеніи онъ былъ почти что наивнымъ оптимистомъ. Этотъ оптимизмъ нерѣдко ослѣплялъ его, мѣшалъ ему почувствовать въ исторіи философіи ея суровый трагизмъ... Здѣсь открывается предѣлъ историческаго воззрѣнія.

Философской системы Трубецкой не построилъ. Его философское дѣланіе прервалось слишкомъ рано. Но всю жизнь онъ былъ учителемъ, почти проповѣдникомъ философіи. Въ своемъ философскомъ становленіи Трубецкой вышелъ изъ нѣмецкаго идеализма, изъ нѣмецкой мистики. Въ этомъ отношеніи онъ больше всего напоминаетъ Влад. Соловьева, съ которымъ онъ былъ такъ интимно близокъ. Изъ нѣмецкаго идеализма онъ вернулся въ античный міръ. Это была его вторая и ббольшая любовь. Для него это былъ свѣтлый міръ радостной и торжествующей мысли, достаточно сильной и юной, чтобы побѣждать сомнѣнія и страхи. Но главное, для него это былъ историческій путь ко Христу. Онъ видѣлъ въ античной философіи то «евангельское приготовленіе», которое въ ней видѣли и признавали еще древніе церковные писатели, считавшіе Платона и даже Гераклита «своими»... Въ эллинской философіи Трубецкой видѣлъ движеніе естественной человѣческой мысли навстрѣчу Откровенію, нѣкое естественное пророчество, предчувствіе и предвѣстіе. Онъ всегда подчеркивалъ, что правда эллинизма была освящена и воспринята христіанствомъ, — всего менѣе онъ хотѣлъ при этомъ вывести Откровеніе изъ философіи... Однако, христіанство есть ученіе о Богочеловѣкѣ. И потому для христіанина исключается возможность гнушенія человѣческимъ, какъ таковымъ. Воплощеніе Слова свидѣтельствуешь о чистотѣ человѣческаго естества, о его способности къ чистотѣ. Высшее въ человѣкѣ есть его умъ, — этому подтвержденіе Трубецкой находилъ у отцовъ Церкви. Это высшее въ своихъ естественныхъ стремленіяхъ тоже освящается въ Воплощеніи Слова. Не случайно христіанская истина была выражена на языкѣ эллинской мудрости. Эллинизмъ былъ безсиленъ явить истину, ибо Истина божественна. Но онъ могъ ее принять и узнать, ибо къ ней стремился. Мудрость могла только открыться, — и Слово плоть бысть... Но открылась она любомудрымъ, ибо любовь къ мудрости, философія, о ней томились... Именно въ христіанствѣ, какъ религіи Слова, Трубецкой видѣлъ послѣднее оправданіе и освященіе философіи. Можно сказать, онъ былъ и стремился быть философомъ потому, что былъ христіаниномъ.

Быть может, во многом онъ ошибался и въ эллинизмъ недостаточно чувствовалъ его ядовитые соблазны, не только ограниченность... Очень характерно, что Трубецкого повидимому всего меньше привлекали величайшіе изъ мыслителей древняго міра. Не случайно онъ не писалъ ни о Платонѣ, ни объ Аристотелѣ. И въ его курсѣ исторіи философіи главы о нихъ не принадлежать къ числу лучшихъ. Его интересовали начала и концы: рожденіе мысли изъ религіозности или изъ міеа и исходъ эллинскаго любомудрія. Это очень показательно. Античность для Трубецкого была только прелюдией, вступленіемъ, первымъ дѣйствіемъ. Онъ старался освободиться отъ гегелевскаго историческаго конструктивизма, избѣгалъ сводить философскія движенія къ однозначнымъ формуламъ. И все-таки античность превращалась для него въ какой-то моментъ вселенскаго становленія мысли. Въ этомъ была большая правда. Въ русскомъ сознаніи Трубецкой впервые и съ большой остротой поставилъ вопросъ объ эллинизмѣ, какъ христіанской проблемѣ. Но вопросъ былъ имъ поставленъ не очень ясно, недостаточно рѣзко. Характерно и то, что Трубецкой не почувствовалъ античнаго трагизма, — той проблематики, которую такъ болѣзненно обнажилъ Ницше еще въ своихъ раннихъ статьяхъ о греческой философіи, Трубецкой какъ-то не замѣтилъ. Для него остался чужимъ и этотъ эллинскій трагизмъ, и своеобразный, неповторимый и очень упорный рационализмъ античнаго духа. Потому онъ какъ-то упрощалъ вопросъ о встрѣчѣ Евангелія и философіи. Въ этомъ отношеніи онъ не смогъ преодолѣть если не вліянія, то во всякомъ случаѣ отъ настроеній нѣмецкаго либеральнаго протестантизма. Все это не уменьшаетъ заслугъ Трубецкого, какъ историка мысли. Во время онъ поставилъ важный вопросъ и сумѣлъ показать всю его жизненную и религіозную остроту. И всего важнѣе, что изучалъ онъ исторію философіи съ сознаніемъ, что выполняетъ религіозную задачу, что совершаетъ служеніе Церкви... Быть может, Трубецкой и былъ слишкомъ эллиномъ. Но былъ онъ эллиномъ, признавшимъ и пріявшимъ Христа. Онъ остался любомудромъ. Онъ былъ мудрымъ вѣка сего, но въ самой этой мудрости слагалъ и стремился слагать хвалебную пѣснь Воплощенной премудрости Божіей.

Кн. Трубецкой принадлежитъ къ отошедшему поколѣнію русскихъ мыслителей, слишкомъ спокойныхъ и благодушныхъ. По душевному складу своему онъ былъ старымъ русскимъ либераломъ, воспринявшимъ правда многіе мотивы славянфильства, но оставшимся западникомъ. Это помѣшало Трубецкому понять до конца всю остроту того русскаго кризиса, который его всегда волновалъ. Онъ не ставилъ вопроса о кризисѣ культуры. Онъ какъ будто не понималъ и всей глубины тѣхъ противорѣчій русской жизни, которыя въ его время еще только обнажались.

Его книги и въ особенности его публицистическія статьи теперь кажутся устарѣвшими. Но не устарѣла въ нихъ и не устарѣетъ философская любовь, философскій эросъ, — любовь и влеченіе къ истинѣ. Не устарѣетъ въ нихъ и его твердая воля къ воцерковленію мысли, и жизни, и быта. И о кн. С. Н. Трубецкомъ не изгладится память, какъ объ искавшемъ и нашедшемъ, и другихъ призывавшемъ искать и находить истину разума въ Христѣ, Воплощенной Премудрости и Словѣ.

1930. XI. 7.

Георгій В. Флоровскій